ВЯЧЕСЛАВ ГУСЕВ

ГЛАВНАЯ УЛИКА

18+

Вячеслав Гусев

Главная улика

«Автор»
2026

Гусев В.

Главная улика / В. Гусев — «Автор», 2026

Двадцать семь лет назад исчезла девочка Аглая — и вместе с ней будто стёрлась целая часть города. Её подруга Полина не может отпустить прошлое, а следователь Антон Рогов не может принять версию «просто ушла». В деле нет зацепок, но есть дневник, письма и страницы рукописи, которые складываются в пугающий сценарий.

© Гусев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 10
Глава 3. 14
Глава 4. 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Вячеслав Гусев
Главная улика

Глава 1.

Я всю жизнь писала правду, выдавая её за вымысел. Потом вымысел надоел, и я осталась одна с правдой. Ей оказалось негде жить — кроме тетрадей.

Е. Раевская. Тетрадь первая, страница 3

Дождь бил по стеклу ровно, без вспышек, — как выговор, который давно перестал обижать. Зоя Круглова шла по седьмому коридору с подносом, и на подносе тонко дребезжала пластиковая коробочка с вечерними таблетками. В коридоре пахло валокордином, мокрой шерстью и геранью. Герань цвела на каждом подоконнике и упрямо не хотела умирать — в отличие от жильцов.

Дверь комнаты четырнадцать была приоткрыта. Зоя толкнула её плечом — привычка у всех санитарок, у кого в другой руке поднос.

— Елена Андреевна, ваши капельки, — сказала она в пустоту и поправилась на ходу. — То есть Ева Андреевна.

Ева Раевская сидела в кресле у окна. Спина прямая, руки на подлокотниках, ладони кверху — так сидят не спящие, а ждущие. Зоя шагнула ближе и поняла, что на неё не смотрят. Наклонилась, коснулась тыльной стороной пальцев старческой щеки. Кожа была холодная, чуть шершавая — как плотная бумага из плохих блокнотов.

Глупая мысль пришла сразу: как лист бумаги.

— Матвей! — крикнула Зоя, не отрываясь от кресла. — Матвей, зови дежурного!

Матвей Тихий появился бесшумно, как всегда. Большой, в стоптанных тапках, он умел ходить так, что пол не скрипел даже под ним. Он взглянул на кресло, на Зою — и молча вышел за врачом.

Доктор Быков пришёл через четыре минуты. Зоя считала — она всегда считала, когда боялась. Он приложил стетоскоп, постоял, посветил фонариком в глаза. Потом выпрямился:

— Констатирую в двадцать один сорок. Возрастная сердечная недостаточность. С богом, Зоя Александровна.

— Она вчера ходила в столовую сама, — выговорила Зоя. — Сами. Без опоры.

— Больные часто ходят в последний день лучше, чем в первый, — Быков убирал стетоскоп в карман, и тот падал с тихим шорохом. — Это не парадокс. Это просто факт.

Он ушёл. Матвей остался в дверях, держа бланк смерти так неловко, как держат чужого ребёнка.

— Зоя Александровна, — произнёс он впервые за смену. — У неё окно открыто. На ночь полагается закрывать.

Зоя посмотрела на окно. Рамка отодвинута на два пальца, штора едва колышется. За стеклом — тьма и дождь.

— Она всегда говорила, что ей душно, — Зоя подошла, хотела закрыть — и не закрыла. — Закрывай сама, если обязанность. Я не могу.

На столе у кровати стояла чашка. Зоя заглянула: пустая, до дна, на стенках тонкий налёт заварки. Человек, который умер в двадцать один сорок, чай выпил весь. Рядом лежал лист, исписанный наполовину, ручкой, почерк крупный, с нажимом, ломающий бумагу на загибах. Зоя читать не стала. Не в её работе читать чужое.

Убирали молча. Матвей вынес поднос, Зоя разобрала постель, ворочая мёртвым весом одеяла. Только дождь. И где-то внизу — телевизор дежурной смены, бормотавший про погоду на завтра.

Зоя выключила лампу у кровати и уже у двери спохватилась: под столом мигал роутер. Она вернулась, наклонилась — и увидела под кроватью чемодан. Старый, потёртый, с коричневыми углами и ручкой, перетянутой изолентой. Замок не заперт.

Она вытащила его. Тяжёлый, но не каменный. Расстегнула.

Тетради. Обычные школьные, в клетку, сорок семь штук, стопкой. Каждая пронумерована на обложке от руки — ровно, мелким почерком. Зоя взяла первую, открыла. На внутренней стороне обложки — та же рука, те же нажимы:

«Эта история — чистая правда. Имена изменены. Факты — нет».

Под заголовком лежал конверт. Простой, без сургуча, только две полоски клея, подсохшие до желтизны. На конверте одно слово, выведенное уверенно:

Рогову.

Зоя обернулась на кровать. Старуха лежала на разборной постели, будто ждала теперь уже вечности, и лицо у неё было спокойное, почти довольное — как у человека, который всё успел сказать и дождался, чтобы это наконец услышали.

— Кому — Рогову? — спросила Зоя в пустую комнату.

Комната не ответила. Но пахло почему-то не геранью — чернилами. Свежими, едкими: в носу щиплет, как от нарезанного лука.

Матвей забрал чемодан к себе в санитарскую — по инструкции вещи покойных описывались наутро. Зоя осталась выключать роутер. Она стояла в тёмной комнате и думала о том, что ни разу не спросила у Евы Андреевны, о чём она пишет. Писательница была никому не нужна: родные не приходили, администрация ставила её в графе «доп. сведения» — одинокая. И только теперь, в темноте, Зоя поняла, что одиноких не бывает. Бывают непрочитанные.

Она вышла, аккуратно прикрыв дверь, и подумала, что завтра надо позвонить в полицию — просто сказать, что покойная что-то не успела ей передать. Странное дело: слово «передать» само пришло в голову. Как будто его кто-то подсказал.

К утру всё сошлось само: Матвей составил опись, Зоя написала короткое заявление — без подробностей, просто про вещи и про странное слово на конверте, — и чемодан по описи передали в участок. На переполненном дежурном столе он смотрелся чужим, слишком честным среди пепельниц и папок. К третьему часу ночи тетради уже лежали на столе следователя.

Кабинет Рогова был шестым по коридору и самым неуютным: вместо герани — фикус, давно сдавшийся, и лампа дневного света, от которой все выглядели как подозреваемые. За окном стояла вечность второго часа ночи. За спиной — сейф, в сейфе — чемодан.

Телефон зазвонил, когда Антон раскладывал на столе тетради.

— Рогов, — сказал он.

— Гарин. — Голос полковника был собранный и отдавал мятой сигарет. — Что у нас с бабкой из пансионата?

— Умерла в своё время, — Антон перевернул тетрадь номер один. — Врач всё подписал. Кардиология.

— Прекрасно. Оформляй как административку и не развлекай меня в три часа ночи.

— Гарин, — Антон накрыл тетрадь ладонью, как накрывают карту. — Там сорок семь рукописей. Каждая начинается одной и той же фразой.

— Начиталась за жизнь, наверно. Хоронить надо покойников, а не издавать их, Рогов.

Трубка умерла. Антон положил её на рычаг и посидел секунду. В двери заглянул Дима Салаев — в свитере с вытянутым воротом, с двумя кружками.

— Сорок семь бестселлеров, — объявил он, ставя кружки. — Вам с молоком, себе без. Хотя вам лучше без: вы всё равно не почувствуете.

— Что ты чувствуешь, Дима?

— Усталость, — Дима присел на край стола. — И любопытство. В такой пропорции, что любопытство пока берёт.

Антон открыл первую тетрадь ещё раз. Конверт «Рогову» лежал рядом — внутри, кроме сложенного вдвое листа, ничего. На листе одна строка, крупно:

«Читайте по порядку».

— По порядку так по порядку, — пробормотал Антон и стал читать.

Дима пил чай и следил, как шевелится челюсть начальника: по ней всегда было видно, когда тот встречает в тексте что-то важное — нижняя губа прикусывалась. На третьей странице прикусилась и замерла.

— Дима.

— Ага.

— Прочитай вслух вот этот абзац.

Дима взял тетрадь, откашлялся: «Дежурная часть была тёплой от духоты и чужих разговоров. За столом у окна сидел усталый человек средних лет, с наручными часами на правой руке — он следил за временем не сердцем, а рукой, потому что сердце уже раз обмануло его в пути».

Антон поднял левую руку. Пустую. Часы были на правой — единственный в отделе, кто носил их справа, с детства, с той зимы, когда сломал левую на катке.

— Совпадение, — осторожно произнёс Дима.

— Читай дальше.

«Усталый человек произнёс фразу, которую запомнили все: никто не умирает по расписанию, кроме тех, кто пишет».

В кабинете стало очень тихо. Даже фикус, кажется, притих.

Антон помнил, когда произнёс это вчера. Диме. На кухне, пока тот резал лимон к чаю. Фраза родилась легко, как и всякое дешёвое остроумие, и он её не запоминал — своих фраз не запоминают. Их запоминают другие.

— Текст писали раньше, — сказал Антон ровно. — Бумага старая. Почерк — старушечий. А фраза моя. Вчерашняя.

— Люди одинаково говорят, — Дима поставил кружку. — Я дважды в жизни слышал одну и ту же шутку от разных людей. Это нормально.

— Один раз шутку. Тысяча страниц — это характер.

Антон встал, прошёлся. Лампа дрожала — где-то в стене гудело, старая проводка. Он думал быстро и холодно, как думал всегда в тупиках: либо кто-то знает его насквозь и вложил свои слова в чужой рот, либо фраза существовала до него, и он, сам того не зная, повторил чужое. Второе было страшнее. Второе означало, что у него в голове иногда говорят не его слова.

— Ты не в себе, — мягко проговорил Дима. — Съешь булку и спи. Тетради никуда не уйдут.

Антон поставил тетради в сейф по номерам, записал перечень на отдельном листе. Закрыл дверь, повернул ключ — механизм сработал с сухим щелчком, как зажигалка.

И в эту секунду у Димы зазвонил телефон.

Он слушал, и лицо его менялось медленно, как фотография в проявителе.

— Парк, — глухо сказал он, зажимая трубку. — Лодочная станция. Пруд старый. Труп у воды.

Антон снял куртку со спинки стула.

— Ключ не потеряй, — бросил он, оборачиваясь уже в дверях — на сейф.

Он не знал тогда, что прощается с тем, кем был минуту назад. С человеком, у которого был только один труп за сутки и полное право называть это совпадением.

Пруд лежал чёрный, как разлитый кофе, и пах прелой листвой и ржавчиной. Туман стоял по колено и шевелился, когда по нему шли. Дима светил фонарём — луч в тумане выглядел как столб, на котором кто-то повесил свет вместо того, кто должен был быть здесь.

Тело лежало у самой воды. Рядом качалась на пришвартованная лодка — с ритмом спящего дыхания.

— Я в час ночи смотрела «Морской бой», — сказала Каренина, не здороваясь. — У меня отпуск был. Был.

— Простите, что живой, — сказал Дима.

— Вот именно. Живой — это кто? — Каренина присела над телом, расстегнула наручные часы, понюхала пальцы. — А это вам не живой.

Антон прошёл по кругу. Он всегда обходил труп против часовой стрелки, дважды, и только потом смотрел вблизи. Дима называл это ритуалом. Антон называл это правом, которое не успел отработать, когда был молодым и торопливым.

— Смотрите на уши, — вдруг произнесла Каренина.

Она отогнула край капюшона. В ушах — ватные тампоны, серые от сырости, сидели плотно, как затычки в бочках.

— Заткнули уши перед смертью, — сказала она. — Задушен леской, тонкой, рыболовной — судя по борозде. В воду попал уже бездыханным. Утопление — подмена; первое полчаса я скажу официальнее, но вы меня поняли.

— Вата зачем? — спросил Дима. — Чтобы не кричал? Он и так не смог бы.

— Чтобы не слышал, — ответил Антон.

Он достал телефон, открыл фотографии первой тетради, сделанные в кабинете. Листал, пока не нашёл нужную страницу — двенадцатую по счёту. Прочитал вслух, и голос его был странно спокоен:

«Он не пришёл на пруд. Его позвали запиской, и он пришёл, потому что был уверен, что записка — от совести. На лодочной станции его ждала лодка. Ему заткнули уши ватой, чтобы он меньше слышал — так, как он всю жизнь не слышал других».

— Леска, — нахмурился Дима. — В тетради есть про леску?

— На странице двенадцать, — Антон кивнул. — Всё здесь есть. Пруд, лодка, вата.

Каренина смотрела на Антона поверх перчаток.

— Вы хотите сказать, что кто-то прочитал эту тетрадь и сыграл?

— Я хочу сказать, что это не совпадение. Совпадения не умеют совпадать по кругу.

Дима наклонился к лодке, посветил под скамью. На дне лежали смятый гвоздь, обрывок лески и мокрый носовой платок — неизвестно чей.

— Он сам сюда пришёл, — тихо проговорил Антон. — Его позвали.

— Панихида, а не преступление, — отрезал Дима. — Вы себя послушайте. Это же бред на бреде.

Антон не ответил. Он смотрел на вату в ушах мёртвого и думал о том, что убийца будто мстил не за что-то, а за глухоту. И что это не месть. Это приговор, зачитанный по ролям.

— В кармане, — сказал он Диме. — Проверьте плащ. Правый карман.

В кармане лежал сложенный вчетверо лист. Антон развернул его в перчатке: страница из тетради, тот же почерк, тот же ломкий нажим, но лист вырван аккуратно, по линейке. В углу, отрезанном острым, — цифра, выведенная от руки: двенадцать.

— Он принёс с собой свою страницу, — сказал Дима. — Как билет.

— Как сценарий, — поправил Антон.

Каренина сняла перчатки — жест, означавший у неё конец осмотра.

— Будете просить экспертизу по леске? Просите. Это единственное, что я могу дать сегодня честно. Остальное — фантазии вашего отдела.

Назавтра, в девять утра, экспертиза назвала имя: Виктор Вьюгин, семьдесят один год, пенсионер. В девяносто девятом — участковый этого самого района, тот, что вёл все заявления о пропавших детях. Ушёл в отставку в две тысячи первом. С тех пор — ни бухгалтерии, ни конфликтов, ни даже долгов по квартплате.

Антон сидел в кабинете с тетрадью номер один и листал. На двенадцатой странице убитый был назван по имени — полностью, без сокращений. Не «В.». Не «Виктор Палыч». Просто: Вьюгин.

Во всех остальных сорока шести тетрадях — изменённые имена, заменённые улицы, переписанные фамилии. И только здесь — прямое попадание.

— Каренина, — Антон набрал её номер, не отрываясь от страницы. — Она изменила всем. Кроме него.

— Кому — она? — спросила Каренина.

— Автору тетрадей. Ева Раевская, писательница, умершая во вторник в пансионате.

На том конце молчали секунды четыре. Потом Каренина произнесла то, что Антон уже понимал сам, но от её голоса это звучало хуже:

— Тогда это не ошибка. Это адрес.

Антон положил трубку. За окном шёл мелкий, ничейный дождь. На столе, у тетради, лежал конверт с одним словом — «Рогову» — и Антон смотрел на это слово так, как смотрят на дверь, которую ты не открывал, а она всё равно приоткрылась.

Глава 2.

Я меняла имена, как меняют шторы: чтобы соседи не видели внутрь. Но одно имя я не изменила. Пусть оно висит на первой странице моей вины, как табличка на двери.

Е. Раевская. Тетрадь первая, страница 7

Утро началось с линейки. Антон положил распечатку рассказа поверх протокола осмотра, приложил канцелярскую линейку и повёл ею строку за строкой, как свинцом по карте. Леска — есть. Вата в ушах — есть. Лодка с отломанным веслом — есть. Порядок действий убийцы, вплоть до того, что сначала заткнули уши, потом петля. Девятнадцать совпадений.

— Совпадений девятнадцать, — сказал он Диме. — В бытовой драке бывает два. Максимум три, если драка скучная.

Дима стоял у окна с чаем и смотрел, как во дворе грузчик таскает коробки в канцелярию.

— Может, убийца читал тетрадь, — сказал он. — Ну вот и сыграл сценку. Люди такое делают. Ролевики ваши.

— Ролевики играют в фэнтези, а не в задушение соседа леской на реальном пруду, — Антон убрал линейку. — И потом: зачем убивать по чужому сценарию, если можно убить просто так? Сценарий — это риск. Каждый пункт — след. Кто-то хотел, чтобы мы прочитали этот текст. Хотел так сильно, что заплатил за это двумя смертями.

— Одной, — поправил Дима. — Вторая — это бабка, она умерла своя смертью.

— Сорок семь тетрадей, Дима. Сорок семь одинаковых заклинаний на первых страницах. Ты веришь, что старушка писала это для комода?

Дима не ответил. Он допил чай и поставил кружку на подоконник — дном вниз, всегда дном вниз, чтобы не было круга на столе. Эта маленькая дисциплина Антона в нём всегда умиляла и пугала одновременно: человек, который следит за кругами на столе, рано или поздно начнёт следить за кругами в голове.

В дверь постучали. Коротко, два раза, без просьбы войти.

На пороге стояла женщина лет тридцати пяти, в сером плаще, с папкой. Волосы собраны на затылке так туго, что лицо казалось нарисованным. Папку она держала у груди, как щит.

— Извините, — сказала она. — Полина Гвоздева, архивист, краеведческий музей областной. Мне сказали, что у вас... — она запнулась, подбирая слово, — изъяли рукописи Раевской.

Антон поднял голову.

— Не «какой-то Раевской», — сказал он. — Как вы сказали?

— Ева Андреевна Раевская, восемьдесят два года, — женщина говорила сухо, по бумаге. — Умерла во вторник, пансионат «Тихая заводь». В вашем чемодане сорок семь тетрадей. Я права?

— Откуда вы знаете про чемодан?

— Потому что месяц назад мне в фонды пришла копия первой тетради, — Полина Гвоздева положила папку на стол и открыла её. — Анонимно. Почтой. Без обратного адреса.

Антон взял листы. Машинопись, чёрная лента, старая машинка: буквы легли неровно, у «е» провален верх. Текст совпадал с рукописным до запятой. На полях — чужие пометки карандашом. Даты, обведённые овалом.

— Кто вам её дал? — спросил Антон.

— Анонимно, я сказала. С запиской, — она достала из папки маленький листок и положила рядом. — «Скоро вам понадобится». Я думала, это чья-то шутка про юбилей библиотеки. У нас юбилей был. Двести лет.

— И вы хранили это месяц и не отдали в полицию?

— Это не преступление, чтобы отдавать в полицию. Это рукопись. Старушечьи записки про соседей, — Полина посмотрела на него прямо, и в глазах у неё было что-то, чего не бывает

у людей, которые говорят только правду: усталость от чужой правды. — Я прочитала. И не выбросила. Почему-то не выбросила.

Антон смотрел на неё и думал, что в этом деле уже третий человек поступает так, как не должен был: медсестра не сообщила сразу, архивистка не отдала, а он сам не отдал конверт Гарину. Дело обрастало соучастниками молчания, как тело — водой.

Тут Дима поднял руку с распечаткой — жестом школьника, знающего ответ, но боящегося, что спросят другого.

— Товарищ следователь. При обыске у Вьюгина, в столе, ящик левый, — второй экземпляр той же тетради. Машинописный. Как у неё, — он кивнул на папку Полины. — С пометками на полях.

— Какие пометки? — спросил Антон, хотя уже знал.

— Даты, — Дима сглотнул. — Дата и время его собственной смерти. За неделю до. Ровно за неделю.

Полина Гвоздева взяла со стола свою копию, посмотрела на поля и тихо произнесла:

— У меня на этой странице тоже дата. Я думала — редакторская правка. Что-то про срок сдачи рукописи, — она подняла глаза. — А это, выходит, был срок её смерти?

Антон не ответил. Он смотрел на две одинаковые тетради — у мёртвого старика и у живой женщины — и понимал, что кто-то раздаёт эту книгу по рукам. Как программу спектакля. И что зрители, получившие программу, сидят не в зале. Они сидят в первом ряду собственной сцены.

Дом Вьюгина стоял на окраине, кирпичный, дореволюционный, с мезонином, — такие дома переживают жильцов. Пахло топлёным молоком и мокрой корой тополя, который рос у калитки и в чью-то память остался нетронутым.

Дверь открыла женщина лет семидесяти, в домашней кофте, поверх которой было надето пальто. В пальто — в доме. Антон отметил это и подумал: человек собирается уходить. Или ждёт, что за ним придут.

Он показал удостоверение. Вдова не удивилась.

— Наконец-то, — сказала она.

— Вы нас ждали? — спросил Дима.

— Я ждала кого-нибудь, — она отступила, пропуская. — Месяц ждала. Прошу на кухню.

Кухня была тёплая: накрахмаленные занавески, запах вчерашней каши. На столе — недопитая чашка, чай в ней потемнел до цвета старого дуба. Вдова усадила их, села сама, сложила руки на коленях, как на соборовании.

— Виктор неделю не ел, — сказала она. — Совсем. Воду пил, и всё. Пришло письмо, он его прочёл — читал долго, шевелил губами, как в школе, — а потом сжёг в раковине. Я видела обрывки. С тех пор сидел у окна и смотрел на пруд.

— Что было в письме? — спросил Антон.

— Не знаю. Он не сказал. Он сказал только: «Она меня нашла», — вдова подняла на него глаза, и в них было не горе, а другое, хуже: облегчение пополам со страхом. — И ещё сказал. Сказал: ты не должна спрашивать про лестницу. Никогда. Даже если спросят другие.

Антон и Дима переглянулись. У обоих в голове было одно слово, и это слово стояло в комнате между ними, как третий человек.

— Про какую лестницу? — спросил Антон ровно.

— Не знаю, — вдова замотала головой, и пальто на ней шевельнулось. — Он не сказал. А я спросила один раз, и он посмотрел на меня так... Вы знаете, за шестьдесят лет я такого взгляда не видела. Как будто я попросила его умереть прямо сейчас, немножко раньше срока.

В дверях кухни возник старик в тельняшке — сосед, снизу, по его словам, тридцать лет. Он стоял, не входя, и говорил, глядя в пол, как человек, который давно репетировал это свидетельство.

— Виктор Палыч во вторник ночью выходил, — сказал он. — Сам. Без палки. Хотя ходил с палкой последние три года, я ему и палку эту делал, у меня в сарае всё есть. Вышел — как на свидание. Принарядился, ботинки вытер. И к пруду.

— В чёрном пальто? — уточнил Антон, глядя в протокол осмотра.

— В чёрном, — кивнул сосед. — Он в нём на похороны ходил. Больше никуда не надевал. Говорил — пусть ждёт случая.

Вдова всхлипнула. Сосед ушёл, шаркая. Антон встал, прошёлся по дому — так, как ходят по чужому дому, когда жильца нет: тихо, касаясь, не открывая. В комнате нашли записную книжку в зелёной клеёнке, старую, с вытертыми уголками. Записи аккуратные, стариковские: долги за свет, дни рождения, «полить». На последней странице — телефон, обведённый трижды, так что чернила продавили бумагу. Код города пансионата «Тихая заводь». Рядом, той же рукой, надпись:

Она жива. Не верь бумагам.

— Это про кого «она»? — спросил Антон вдову, вернувшись на кухню.

Вдова качала головой, и слёзы у неё шли без всхлипов, просто капали, как из плохо закрученного крана.

— Про ту, что кричала на него в девяносто девятом, — сказала она наконец. — Про мать той девочки. Аглая её звали. Она у нас во дворе пропала, все искали, а потом все перестали. Как выключили. А Виктор Палыч — нет. Он не перестал. Он до конца не перестал.

Антон закрыл книжку. В коридоре он стоял, прислонившись к холодной кирпичной стене, и думал то, что не должен был думать следователь: что держит в руках не убийство. Долг. Чей-то долг, висящий на крючке двадцать семь лет, и кто-то наконец начал снимать его с крючка — через смерть Вьюгина.

— Дима, — сказал он в коридоре. — Проверь, что было в девяносто девятом. Пропавшие дети. Лестница. Мать, которая кричала.

— А вы?

— А я поеду к тому, кто помнит больше всех, — Антон застегнул куртку. — И кто, кажется, всё ещё жива.

Совещание тянулось два часа, как тяжёлая вещь по паркету. Прокурор Бельский — плотный, в очках с тонкой оправой, которые он всё время поправлял, хотя они не сползали, — требовал одного: не связываться с графоманскими бреднями.

— Бытовое, — говорил он. — Вьюгин и его убийца — бытовое. Сосед, должок, пьянка. Дайте мне мотив, и дело закроется в срок. А вы мне про тетради. Про сорок семь тетрадей. Вы понимаете, что если это подпишут наверху, у нас появится город, в котором людей убивают по книжкам? Вы представляете, что начнётся?

Гарин сидел с лицом человека, у которого болит зуб: он поддакивал Бельскому, но поддакивал на полтакта позже, и Антон это заметил. Полковник не смотрел на распечатки.

Антон разложил по столу всё, что имел: ксероксы первых страниц, фото ваты в ушах, совпадения по пунктам, пометки с датами.

— Скажите это вслух, Рогов, — сказал Гарин. — Что вы предлагаете.

Антон говорил то, что думал, не поднимая глаз:

— Кто-то раздаёт людям их собственные истории. По почте, анонимно, с датами. Они читают — и не идут в полицию. Им стыдно или страшно; скорее стыдно, стыд работает лучше страха, я проверял. Они неделю не едят, сидят у окна, выходят в чёрном пальто, в котором ходили на похороны, — и приходят туда, где их убивают. Как будто визит назначен заранее, и они просто пришли вовремя. Мы ловим не убийцу. Мы ловим режиссёра.

Бельский хмыкнул и снял очки — жест, означавший конец дискуссии.

— Режиссёра, — повторил он. — В городе, где за год три трупа и две сотни бытовух. Ищите психа с машинкой, Рогов. Или писательницу. Ах да, она умерла. Ищите её призрака, вам же нравится.

— Я не прошу вас верить, — сказал Антон. — Я прошу ресурсы на почтовые отправления за последний месяц. Штемпели. Кто-то ходил на почту со стопками писем — это люди, а не призраки.

Гарин молчал. Молчал дольше нужного — Антон засёк: секунд сорок. Это молчание он записал в память рядом с датами: сорок секунд — это время, за которое человек решает, сколько сказать. Гарин решил не говорить ничего. Это тоже был ответ.

— Дело оставляю у вас, — сказал наконец полковник, вставая. — Как «уникальное наблюдение». Но пометка моя: не верьте литературе. Литература — это то, что люди пишут вместо того, чтобы что-то делать.

Он вышел. Бельский закрыл папку — звук был как крышка гроба, и Антон отметил иронию, но не улыбнулся.

Вечером он вернулся в кабинет, включил лампу — и увидел на столе листок. Сложенный вдвое, лежал ровно по центру стола, как выставка. Он его не приносил. Дима в этом кабинете не был с утра. Дверь была заперта.

Следующая страница — сорок пять. Ты уже опоздал. Не к счастью — к смерти.

Машинопись. Та же старая машинка: у «е» провален верх, буква «т» съехала вбок. Он сравнил с копией Полины — совпадало.

Дима бледнел у двери, держась за косяк, как за поручень.

— Как кто-то вошёл? — спросил он.

— Не вошёл, — Антон смотрел на дверь, в которую никто не заходил. — Его пустили. Здесь кто-то из своих.

Он хотел было смять листок — и не смял. Сложил обратно, спрятал во внутренний карман, слева, к сердцу — и поймал себя на том, что прячет его не от чужих глаз, а от себя. Как будто, доставая в неподходящий момент, он прочтёт то, что уже знает, и придётся с этим что-то делать.

В тёмном окне отражалось его лицо. Стареющее, со шрамом у брови — следом той самой левой руки, сломанной в детстве на катке. Лицо человека, который двадцать лет был уверен, что честно носит форму, и который теперь стоял в пустом кабинете, пряча в кармане машинописную записку о своей будущей смерти.

— Сорок пять, — повторил он вслух.

Значит, у него было время до сорока пяти. И он не знал пока, что эти сорок пять страниц уже пишутся — и что одну из них он узнает лучше всех остальных, потому что страницу под номером двести один он напишет сам. Рукой. Своей.

Глава 3.

Я не писала правду — я писала её тень. Тень длиннее человека и живёт дольше. Она не стареет, она просто темнеет.

Е. Раевская. Тетрадь первая, страница 12

Читальный зал музея пах старой бумагой и пылью, которая оседала на всё одинаково — на книги, на столы, на лица. За окнами шумел ноябрь, вяло и безобидно, как будто_weather кончил пугать. Полина развернула на длинном столе листы ватмана, как разворачивают карту города, где вот-вот начнётся война. Колонки шли ровно: «Персонаж», «Предположительный прототип», «Статус», «Связь с делом 1999 года».

— Вьюгин — участковый, мёртв, — зачитывала Полина ровным голосом, как зачитывают приговор. — Савицкий — издатель, пока жив. Гнатюк — следователь, на пенсии.

Антон вздрогнул на третьей строке. Гнатюк. Тот самый, кто когда-то брал его за шиворот на первом выезде и говорил: «Следователь не должен жалеть. Он должен видеть». Антон видел. Слишком много видел.

— Откуда у писательницы такие имена? — спросил он — не столько Полину, сколько тишину зала.

— Из её жизни, — ответила Полина, не поднимая глаз. — Ей было восемьдесят два. Она прожила целую эпоху. Но смотрите не на имена — на географию.

Она развернула карту — старую, с выцветшими чернилами. На ней был один двор, одна улица, один октябрь. Антон смотрел на неё, и ему казалось, что карта дышит.

— Все персонажи первых трёх рассказов — один двор, — сказала Полина. — Один октябрь. В октябре девяносто девятого отсюда пропала девочка. Аглая Раевская, десять лет. Дело закрыли за недоказанностью. Мать так и не поверила.

Антон молчал. Он помнил это дело. Оно было его первым самостоятельным заданием — и первым, которое у него забрали. Гнатюк пришёл, взглянул на его записи, хмыкнул: «Ты не видишь леса за деревьями, Рогов. А лес тут большой и тёмный». И забрал папку. Двадцать семь лет Антон не вспоминал эту папку — а теперь она лежала перед ним чужими руками, размеченная на ватмане, с колонками и датами.

Полина пододвинула к нему последний лист — подборку почтовых штемпелей.

— Письма шли из пансионата, — сказала она. — После её смерти.

— Значит, кто-то отправляет их от её имени, — проговорил Антон.

— Или она умела ждать дольше, чем мы думаем, — добавила Полина тихо.

Телефон в кармане Антона зазвонил. Дима дышал в трубке сбивчиво, как человек, который бежал:

— Товарищ следователь... тут такое. Кажется, вам лучше вернуться.

Антон посмотрел на Полину. Она кивнула — и уже складывала листы, сворачивала карту, прятала всё в папку, как прячут улики от чужих глаз.

На столе остался один адрес, выписанный красным: двор, где выросла Геля.

— Поедем? — спросила Полина. — Мне нужно увидеть этот двор. Он у меня в голове с детства.

— Поехали, — ответил Антон, не понимая, что произносит вслух то, чего эта женщина ждала двадцать семь лет.

Двор не изменился. Те же скрипучие качели, те же облупившиеся пилястры, те же берёзы, под которыми Аглая когда-то бегала в сандалиях с пряжками. Только теперь на качелях никто не качался. Пахло мокрым асфальтом и палёной листвой — кто-то жёг листья по-старому, на глазах у двора.

Полина остановилась посреди площадки и стояла так, будто прислушивалась к чему-то, чего не слышал никто другой.

— Я тут бывала в детстве, — сказала она тихо. — Здесь жила моя подруга. Она уехала и больше не писала.

Антон не ответил. У него от этого двора ныло под рёбрами, как будто тело помнило то, чего не помнила голова.

Кира Раевская пришла первой. Высокая, в дорогом пальто, с папкой наследственных бумаг. Она смотрела на них так, будто они были ворами.

— Вы генералы или следователи? — спросила она. — Мне нужны тётины тетради. Издательство дало за них предоплату, а ваш отдел их конфисковал.

— Тетради — улика, — сказал Антон.

— Они — искусство, — ответила Кира. — И наследство.

Их спор прервал старик с метлой. Он ковылял по двору, бормоча что-то под нос, и вдруг остановился, глядя на Антона.

— Тоня? Тоня Рогов? — улыбнулся он беззубым ртом. — Ты же здесь мальчиком был. В шахматы играл с Евой Андреевной, с её дочкой бегал.

Антон замер. «Тоня» — имя, которое он не слышал с детства. Так его звала мать.

— Какая Ева Андреевна? — спросил он чужим голосом.

— Да тут жила, у шестого подъезда. Писательница, — ответил старик и, не дожидаясь продолжения, заковылял дальше, волоча метлу по асфальту.

Полина и Антон посмотрели друг на друга.

— Антон, я не понимаю, но мне кажется: это дело не девяносто девятого года, — сказала Полина. — Оно — ваше.

В этот момент Кира вскрикнула. Из её сумки выпал конверт, который она пыталась спрятать. На конверте — её имя. Внутри листок:

«Страница сорок пять. Скажи следователю, что он опоздал».

В углу листка — дата. Завтрашняя.

— Уже? — прошептала Кира, и пальцы у неё дрожали так, что не могли удержать даже папку.

Антон смотрел на дату и понимал: если письмо было у Киры, значит, «роли» раздаются до смерти, а не после. Сценарий шёл впереди них.

Ночь тянулась, как старая резинка — тонкая, натянутая, готовая лопнуть. Антон сидел в отделе и держал телефон в руке, как компас, который должен был показать путь. Но номеров, адресов, примет — ничего.

Он попросил Диму дозвониться до Савицкого. Тот не брал трубку.

— Попробуй ещё, — сказал Антон. — Ещё раз.

Дима кивал, набирал, слушал гудки, сбрасывал, набирал снова. За окном давно стемнело, и в стекле отражалась только лампа и его собственное лицо.

В четыре утра Антон уснул прямо на столе, уронив голову на папку с делом. Его разбудила Полина — тихо, осторожно, как будят человека, которому снится плохой сон.

— Позвони Диме, — сказала она.

Голос Димы в трубке срывался:

— Товарищ следователь... дом Савицкого... балкон девятого этажа... тело. Эксперты говорят — сорок минут, может, час назад.

Антон ехал туда, не чувствуя дороги. Только ветер в окне, только фары, разрезающие темноту. Полина сидела рядом молча. Она боялась произнести вслух то, о чём оба думали: сценарий пишется заранее. И кто-то знает будущее лучше них.

На месте Дима держал пакет с тем, что нашли в руке жертвы: сложенная страница с цифрой «45» — и, странная деталь, старые контракты девяносто седьмого года о передаче прав на рукопись за символическую плату.

— Он держал их, как пропуск, — сказал Дима.

Антон смотрел на балкон, с которого сорвался Савицкий, и на трещину в перилах — точно там, где в рассказе «закладывалась рука».

В отделе экспертиза по запросу Антона вытащила из телефона Савицкого последнюю запись — аудиофайл. Женский голос, ровный, старческий, читал:

«Он будет стоять у перил. Он не поверит, что его позвали умирать читать вслух. Скажи ему, что перила новые».

— Чей это голос? — спросил Дима у эксперта.

Тот смотрел в планшет и говорил спокойно, как говорят о давно известном:

— Мы сравнили с архивной записью выступления. Ева Андреевна Раевская.

В кабинете стало тихо. Так тихо, что слышно было, как Дима кладёт телефон на стол.

— Она умерла во вторник, — проговорила Полина.

— Я знаю, — ответил Антон. — Я был у неё в комнате через час после смерти. Я подписал протокол. Я своими глазами её видел.

Он помолчал, будто собирался с силами, чтобы произнести то, чего боялся даже в мыслях:

— Значит, кто-то умеет умереть так, что остаётся голос.

И тут телефон Антона снова зазвонил. Номер незнакомый. Он посмотрел на экран, на Полину, снова на экран — и нажал «принять».

— Рогов, — сказал он.

— Ты опоздал, — ответил голос. Не женский. Мужской. Спокойный, будто читал расписание поездов. — Страница сорок пять — это не про Савицкого. Это про тебя.

Связь оборвалась. Антон смотрел на погасший экран и понимал: сценарий не просто пишется. Он уже написан. И автор знает, где будет следующая сцена.

Глава 4.

Перила не падают под стариками. Перила падают под теми, кто когда-то сделал вид, что не заметил. Я меняла мебель в этой книге двадцать лет. Меняла и ждала, кто сядет.

Е. Раевская. Тетрадь первая, страница 45

Жёлтая лента на дверях издательства держалась на честном слове: один конец отклеился, и лента качалась на сквозняке, как правило, которое уже никто не считает обязательным. Антон прошёл под ней, не пригнувшись и не попросив разрешения.

— Через ленту не ходят, — произнёс сзади Корнеев. — Есть порядок. Нотариус, опись, потом вы.

— Человек мёртв вторые сутки, — ответил Антон, не оборачиваясь. — Нотариус ещё дышит. Значит, я успеваю раньше него.

Лифт поднял их молча. В зеркальной дверце Антон увидел трёх человек: себя, бледную женщину в сером и адвоката, державшего портфель так, будто там сидела живая птица.

Балкон. Стеклянное ограждение подменено металлическими перилами — белыми, свежими, с едким запахом краски, которая ещё не сдалась под дождём. Трещина — на третьей секции. Скол — на левой трубе. Антон приложил ладонь туда, где, судя по тетради, «закладывалась рука». Металл был холодный и гладкий.

— Совпадает до миллиметра, — сказал он.

— Что совпадает? — спросила Полина.

— Всё. Даже где стоял. Даже куда смотрел.

Полина подняла глаза к козырьку, потом к соседнему балкону. Она не спорила и не спрашивала — она считала. Угол падения света. Тень. Расстояние, с которого это видно с земли. Антон смотрел на неё и думал, что впервые видит человека, который читает место, как страницу. И ему сделалось нехорошо: в этой комнате двое умели то, что умел один покойник.

Дима вышел на балкон с протоколом и потёр переносицу.

— Никаких следов борьбы, — доложил он. — Ни царапин, ни отпечатков. Будто он сам встал на край.

— Так и было, — сказал Антон. — Это хуже любого насилия. Насилие оставляет след. Сценарий — нет.

— Вы всерьёз считаете, что его не толкали?

— Я считаю, что его позвали. А позванного не толкают. Он идёт сам.

Корнеев замер в дверях, переложил портфель из руки в руку:

— Господа. Кабинет опечатан. Опись — завтра в одиннадцать. Я не обязан стоять здесь и слушать, как вы...

— Как мы читаем? — тихо вставила Полина. — Мы не читаем. Мы сравниваем.

— С чем?

— С текстом, который никто не должен был знать.

Антон вернулся в кабинет. Запах дорогого кофе, остатками осевшего в кофемашине, и пыль: уборщица так и не добралась до стула, лежавшего вверх ногами на ковре. Странность: стул лежал не свалившись, а поставленный. Кто-то вернул его на место после того, как мёртвый уже не мог этого сделать.

Сейф стоял в углу, за монитором. Дверца была приоткрыта — не выбита, не взломана. Просто не закрыта до щелчка. Антон потянул на себя и вытащил папку с выцветшей наклейкой: «Раевская». Почерк Савицкого — размашистый, самоуверенный, как и всё, что этот человек делал.

Он достал бумаги осторожно. Им девять лет, и они шуршали, как осенний лист, который не хочется ломать.

Внутри — конверты. Пустые. Одиннадцать штук, на каждом адрес и дата. Ниже — черновики писем, набранные на машинке. Антон развернул первый:

«Уважаемый редактор. Ваша сцена состоится на странице сорок пять. Место и час вы знаете. Приходите один и в том, в чём выходили на похороны».

— Что это? — спросил Дима над плечом.

— Приглашения, — ответил Антон. — Не письма. Приглашения на собственную смерть.

Полина взяла следующий черновик, потом ещё один. Руки не дрожали, но между большим и указательным пальцами выступила белая полоса — так сжимают то, что нельзя уронить.

— Даты, — сказала она. — Совпадают с почтовыми штемпелями. Значит, черновики — раньше, конверты — потом. Кто-то рассылал это от её имени, пока она была жива. Или под видом того, что жива.

Последним листом шла таблица: страница, персонаж, статус. Антон прочитал первую строку и понял, что перед ним не список, а расписание. Напротив «двенадцать» стояло: подтверждено. Напротив «сорок пять» — подтверждено. Дальше — пустые строки, и на каждой значилась дата. Не прошедшая. Будущая.

Он листал до конца. Пальцы сами замедлялись, как замедляются перед ямой.

В самом низу — последняя строка. Выведена не машинкой. От руки, крупно, с нажимом, продавившим бумагу:

201 — Рогов. Статус: ожидание.

В кабинете стало так тихо, что слышно было, как сквозняк шевелит упавший на ковре стул.

— Прочитай, — сказал Антон Диме.

— Не нужно, — тот смотрел в пол. — Я прочитал. Товарищ следователь, я прочитал.

Корнеев наклонился к Полине и произнёс ей на ухо — но так, что слышали все:

— Вы ведь из музея? Из краеведческого? Тогда слушайте. У Савицкого есть личный архив «Литературного квартала». Кассеты, письма, протоколы их вечеров девяностых. Я его не открывал. Не хотел открывать. Но если хотите понять, кто ещё в этом списке, — идите туда. Только быстро. Завтра тут будет нотариус, и я не ручаюсь, что после него всё останется на месте.

— Почему вы говорите это нам? — спросила Полина.

— Потому что я двадцать лет смотрел, как мой клиент спит, — ровно ответил Корнеев. — И хочу, чтобы это кончилось до того, как спать начнёт кто-то ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.